

Научная статья

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-12-24

МАРИУПОЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЛАНИРОВКИ, ХРОНОЛОГИИ, СТРАТИГРАФИИ И ЕГО МЕСТО В КРУГУ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ЭНЕОЛИТА

Резепкин А. Д.

Институт истории материальной культуры РАН

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail admin@archo.ru

Поступила в редакцию 28.11.2025

После доработки 16.12.2025

Принята к публикации 10.01.2026

Аннотация

Цель. Детальный анализ широко известного погребального комплекса «Мариупольский могильник», раскопанного М. Макаренко в 1933 г. Могильник содержит 124 погребения.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ погребальных комплексов в могильнике на основе стратиграфического и типологического методов, а также критического рассмотрения предыдущих работ разных авторов.

Результаты. На основании проведённого анализа уточняется структура могильника и его погребальный обряд. Одной из основных задач работы является хронологическое соотношение могильника с этапами развития трипольской культуры и памятниками эпохи раннего энеолита соседних областей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Вкратце рассмотрены вопросы абсолютной и относительной хронологии ряда памятников эпохи раннего энеолита Юго-Восточной Европы. Предложено к рассмотрению более логичное хронологическое соотношение памятников эпохи раннего энеолита Юго-Восточной Европы.

Ключевые слова: Мариупольский могильник, хронология, эпоха раннего энеолита

Для цитирования:

Резепкин А. Д. Мариупольский могильник. Некоторые аспекты планировки, хронологии, стратиграфии и его место в кругу памятников раннего и среднего энеолита // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 12–24.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-12-24

Original research article

MARIUPOL BURIAL GROUND. SOME ASPECTS OF PLANNING, CHRONOLOGY, STRATIGRAPHY AND ITS PLACE IN THE CIRCLE OF MONUMENTS OF THE EARLY AND MIDDLE ENEOLITHIC

A. Rezepkin

*Institute of the History of Material Culture
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail admin@archo.ru*

Received 28.11.2025

Revised 16.12.2025

Accepted 10.01.2026

Abstract

Aim. A detailed analysis of the well-known burial complex "Mariupol Burial Ground," excavated by M. Makarenko in 1933. The burial ground contains 124 burials.

Methodology. The main content of the study is the analysis of burial complexes in the burial ground based on stratigraphic and typological methods, as well as a critical consideration of previous works by various authors.

Results. Based on the analysis, the structure of the burial ground and its funeral rite are specified. One of the main tasks of the work is the chronological relationship of the burial ground with the stages of development of the Trypillian culture and the monuments of the Early Eneolithic era of neighboring regions.

Research implications. The issues of absolute and relative chronology of a number of monuments of the early Eneolithic era of Southeast Europe are briefly considered. A more logical chronological ratio of monuments of the Early Eneolithic era of Southeast Europe has been proposed for consideration.

Keywords: Mariupol burial ground, chronology, era of early Eneolithic

For citation:

Rezepkin, A. D. (2026). Mariupol burial ground. Some aspects of planning, chronology, stratigraphy and its place in the circle of monuments of the early and middle Eneolithic. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 12–24.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-12-24

Введение

Могильник, как известно, был раскопан в 1930 г. Н. Е. Макаренко и им же издан в 1933 г. [1]. Этот памятник содержал самое значительное количество погребений – 124, по Н. Е. Макаренко, и самое большое количество материала из до сих пор известных могильников эпохи энеолита в Юго-Восточной Европе.

Нужно отметить, что расположение погребений на плане в ряде случаев расходится с их описанием местопо-

жения в тексте, на что обратил внимание ещё А. Д. Столяр при комплексном анализе могильника [2, с. 25]. Он также впервые подверг сомнению утверждение Н. Е. Макаренко о том, что умерших погребали, выкопав небольшую и неглубокую яму рядом с предшествующими погребениями [1, с. 13]. При этом, по его мнению, последующие захоронения нередко нарушали предшествующие [1, с. 104]. А. Д. Столяр эту точку зрения на формирование могильника подверг, на

мой взгляд, достаточно обоснованному сомнению [2, с. 23–24]. Взамен он предложил свою гипотезу формирования данного погребального комплекса, согласно которой могильник «имел в своей основе открытую, вероятно в несколько приёмов, корридоробразную траншею. В процессе её заполнения последующие погребения помещались непосредственно на предшествующие или рядом с ними» [2, с. 24]. Далее все захоронения по площади могильника были разделены на 3 части, причём северная граница центральной части прошла непосредственно по скоплению погребений (табл. 1). Сравнивая по инвентарю четвёртый (самый нижний) ярус северной и центральной части могильника, он пишет, что в центральной части встречаются только украшения из просверленных зубов животных (кроме створок раковин) и полностью

отсутствуют иные украшения, характерные для остальной части могильника [2, с. 27]. Это, по мнению А. Д. Столяра, позволяет считать эту часть могильника самой ранней [2, с. 18].

Но при тщательной фиксации погребений видно, что в нижнем ярусе центральной части встречено 7 погребений с вещами (кроме раковин). Это больше, чем в северной (табл. 2). Здесь также следует отметить, что преобладания в центральной части могильника погребений нижних ярусов, как пишет А. Д. Столяр [2, с. 18], не наблюдается. Их количество практически одинаково (табл. 1) и на этом основании нельзя предполагать, что центральная часть могильника была его начальным ядром [2, с. 18].

Аналогичную картину мы наблюдаем и с подсчётом погребений с пластинами из клыков кабана. По А. Д. Столяру, они

Таблица 1 / Table 1

Распределение погребений по могильнику / Distribution of burials by burial ground

Ярусы	Части могильника (по А. Д. Столяру)			Части могильника (по А. Д. Резепкину)			Всего в ярусах	
	Северная часть	Центр. часть	Южная часть	Северная часть	Центр. часть	Южная часть	(по А. Д. Столяру)	(по А. Д. Резепкину)
I	8	3	15	8	4	17	26	29
II	23	14	2	16	13	2	39	31
III	20	15		14	16		35	30
IV	8	11		12	10		19	22
Всего:							119	112

Источник: составлено автором

Таблица 2 / Table 2

Распределение погребений в IV ярусе / Distribution of burials in tier IV

Части могильника ярус IV				Части могильника ярус IV			
Северная часть				Центральная часть			
по А. Д. Столяру		по А. Д. Резепкину		по А. Д. Столяру		по А. Д. Резепкину	
с вещами	без вещей	с вещами	без вещей	с вещами	без вещей	с вещами	без вещей
83, 101, 109, 87	107, 76 73	83, 101, 109, 87	76, 57 41, 68. 73, 88, 107, 108	104, 111 114, 122 123	112, 113 115, 108	97, 100 104, 111 114, 122 123	108, 112 113, 115

Источник: составлено автором

найжены в 41 погребении [2, с. 19], но по моим подсчётам – в 32. Здесь, пожалуй, будет уместным эти погребения перечислить по тем номерам, которые указаны у Н. Е. Макаренко, только не в римских числах. Центральная часть могильника: 28, 49, 53, 54, 56, 74, 82, 88, 100, 104 – всего 10 погребений. Северная часть: 13, 16, 18, 24, 30-А, 44, 55, 61, 64, 77, 83, 96, 101, 109 – всего 14 погребений. Южная часть – 6, 7, 8, 20, 22, 23, 50, 124 – всего 8 погребений. Итого – 32 погребения.

Далее А. Д. Столяра пишет, что если учитывать только те предметы, которые показательны для всей культуры могильника в целом, то в центральной части траншеи встречены только украшения из зубов животных. Это погребения 111, 114, 117, 122, 123, что, по мнению А. Д. Столяра, даёт основание считать, что центральная часть нижнего яруса могильника была самой ранней [2, с. 28, рис. 6]. Но здесь так же нужно отметить, что в погребении 117 найдены не зубы животных, а украшения из перламутра в виде кружочков с отверстием в центре и костяные бусы с V-образным сверлением [1, с. 104]. Помимо этих погребений, ещё встречены находки в погребениях 100 – пластины из клыка кабана и украшения из перламутра в виде кружочков с отверстием в центре, в погребении 104 – 2 подвески из клыка животного и пластина из клыка кабана а также в погребении 97 – украшения из перламутра в виде кружочков с отверстием в центре и костяные бусы с V-образным сверлением [2, с. 104–106].

Что же касается северной группы, то, по А. Д. Столяру и моему мнению, количество погребённых с инвентарём одинаково (табл. 2), и в 2 погребениях (83 и 101) найдены пластины из клыков кабана. Однако погребений без вещей обнаружено в 2 раза больше, чем в центральной части – 8 (табл. 2). Таким образом, трудно согласиться с А. Д. Столяром в том, что могильник берёт начало в своей центральной части, тем более что разделение

могильника на северную и центральную части проводилось им прямо по скоплению погребённых в центральной части могильника, в то время как сам могильник делится на группы погребений с достаточно широкими интервалами между ними [2, план могильника].

Вторую довольно основательную попытку построения относительной хронологии внутри могильника сделала Н. С. Котова [3, с. 7–28]. Она, в отличие от А. Д. Столяра, приняла точку зрения Н. Е. Макаренко о способе захоронений в могильнике, где погребения совершались в индивидуальных могилах в общей траншее [3, с. 27]. Но эта точка зрения, на мой взгляд, была весьма аргументировано оспорена А. Д. Столяром [2, с. 23–24]. В итоге Н. С. Котова разбила могильник на 2 этапа его функционирования, согласно которым наиболее ранние захоронения I периода производились на глубине 90–70 см [3, с. 27]. Однако, по Н. Е. Макаренко, костяки погребённых только начали появляться с глубины 0,4–0,75 м [1, с. 11] и встречались до глубины 1,5 м [1, с. 13]. Подсчёт погребений с глубинами, которые указаны Н. Е. Макаренко, показал, что самые глубокие погребения расположены на глубине 1,60–1,65 м – 87, 122, 123. Чтобы не обременять текст цифрами, все погребения были сгруппированы по 3 группам с указанием интервала глубин, где они были обнаружены:

1. глубина 0,95–1,2 м: 49, 51, 52, 54, 56, 89, 100, 104, 124;
2. глубина 1,25–1,45 м: 31, 33, 57–59, 76, 86, 97, 105, 108, 109, 110, 116, 117.
3. глубина 1,59–1,65 м: 60, 73, 87, 111–115, 118–123.

Всего 40 погребений. Это треть погребений могильника, в которых удалось установить их глубину от современной дневной поверхности, то есть от того уровня, с которого началось исследование могильника. Полагаю, далее нет смысла разбирать 6 хронологических групп, предложенных Н. С. Котовой [3, с. 27].

Стратиграфия и планировка Мариупольского могильника

Основная мысль А. Д. Столяра о том, что погребения производились не послойно во всем могильнике, а по его частям, представляется более реалистичной. Тогда следует выяснить, во-первых, какая же часть могильника, несмотря на практически однородность его материала, является всё же более ранней и, во-вторых, в какой временной последовательности и какие части могильника заполнялись погребениями. Выше уже было отмечено, что разбивка А. Д. Столяром основной длины траншеи на центральную и северную части, в силу приведённых мной аргументов, кажется не очень убедительной.

Поскольку материал могильника в целом однороден, то сначала проведём его визуальную разбивку на части. Как представляется, критерием этого деления могут быть некоторые пространства внутри памятника, не занятые погребениями. Здесь, вслед за А. Д. Столяром, следует выделить южную часть могильника в отдельную группу из серии в 17 погребений, как состоящую «из нескольких овальных углублений, заполненных погребениями и соединённых между собой узкой канавкой» [2, с. 35]. К следующей отдельной плотной компактной группе II, состоящей из 32 погребений и отделённой от соседних захоронений промежутками, не заполненными погребениями, следует отнести центральную часть могильника. Остальную часть могильника – группа III, насчитывающую 58 погребений, разделить на группы крайне сложно, поскольку между оставшимися скоплениями практически нет достаточно видимых промежутков (рис. 1).

Разделив могильник на 3 группы, можно посмотреть, отличаются ли они каким либо образом и по инвентарю? Поскольку материал могильника достаточно однороден, то, полагаю, есть смысл обратить внимание на 2 категории материала: с одной стороны, на пластины из клыка

кабана как на самый заметный и один из наиболее многочисленных артефактов и, с другой, – на очень редкие находки.

Первая категория встречена во всех 3 выделенных группах и, соответственно, можно посмотреть, есть ли какая количественная динамика в распределении пластин по группам? Но поскольку количество погребений в группах разное, то это необходимо проследить по процентному соотношению погребений с пластинами к общему количеству погребений в каждой группе. Проследив полученные данные по группам, можно увидеть, что наибольшим процентным содержанием погребений с пластинами обладает I (южная) группа – 50%, а наименьшим – III (северная) группа – 27%. В средней группе насчитывается 31,3% погребений по отношению к общему количеству погребений в этой группе. Здесь мы наблюдаем явную динамику увеличения процентного содержания пластин с погребениями от северной к южной группе (рис. 2).

Что касается остальных типов украшений, то здесь также можно проследить параллельную тенденцию. Если взять погребения с украшениями, но без пластин, то мы увидим, что в I группе встречено только 1 такое погребение, в II группе – 6, а в III группе – 14. То есть количество погребений с украшениями, но без пластин, резко увеличивается от I к III группе. Аналогичную картину мы наблюдаем и в тех погребениях, где встречены пластины, но уже не с такой большой разницей между группами (рис. 2).

В могильнике имеется ещё ряд погребений с нестандартным для этого могильника инвентарем. В северной группе в двух нижних слоях обнаружены специфической формы подвески из камня. Одна – из погребения 109, расположенного в третьем от верха горизонте погребений, изготовлена из порфирита. Вторая – из погребения 75, расположенного в самом нижнем, четвёртом горизонте, согласно плану могильника по Н. Е. Макаренко [1, рис. 3-15]. Оба по-

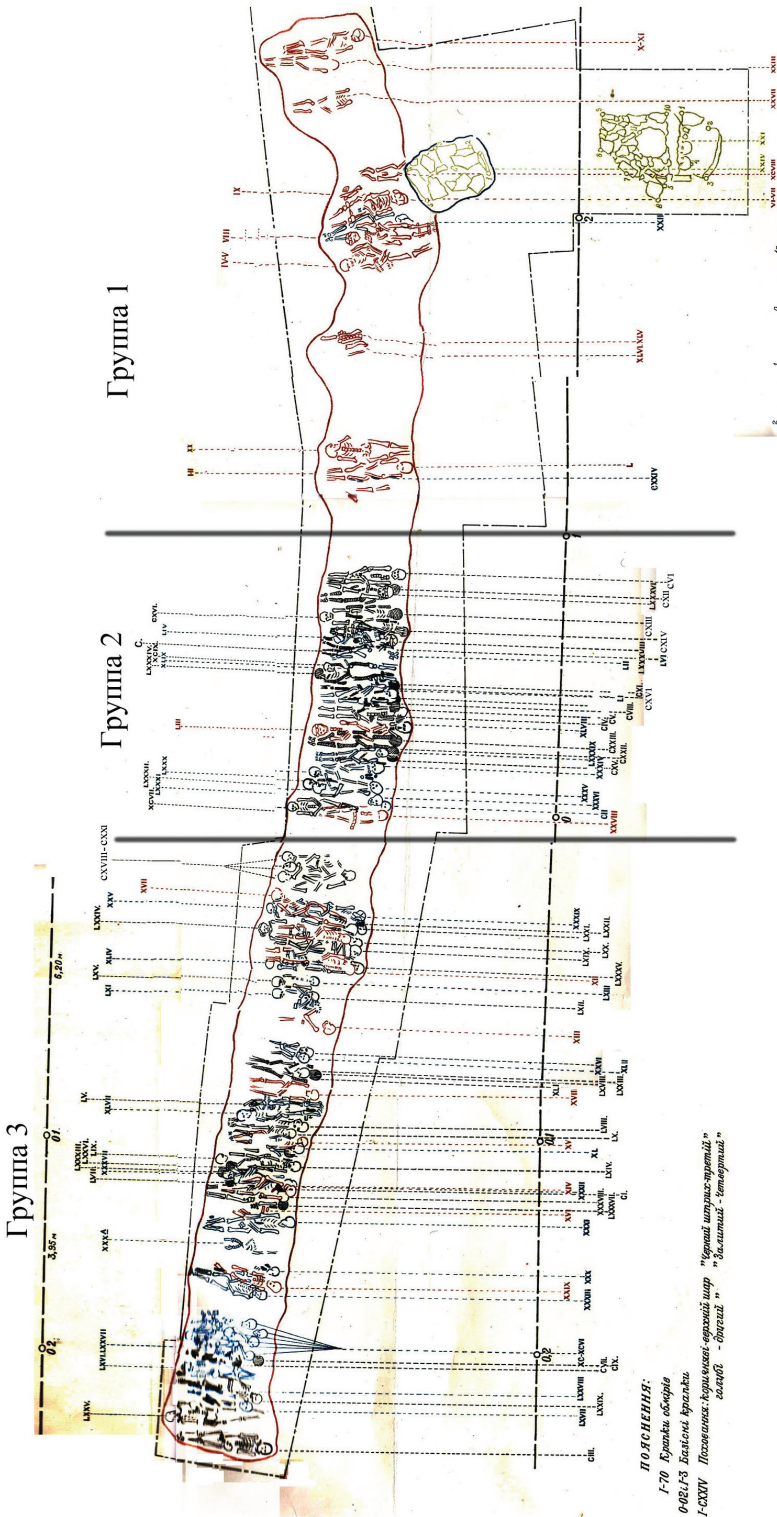


Рис. 1 / Fig. 1. План Мариупольского могильника / Plan of the Mariupol' burial

Источник: по Н. Е. Макаренко, 1933

Группы, слои	Украшения с пластинами	Украшения без пластин	Пласт. без украш.	Без инвентаря	кол-во погр-й в каждой группе	
Гр. I слой 1 (коричнев)	7, 20, 45, 50, 24, 8	4-5	23	1, 2, 3, 9, 11, 27, 46, 98	15	Гр. I 18 погр.
слой 2 (голубой)	22, 124				2	
Гр. II слой 1 (коричнев)	28		53		2	Гр. II 32 погр.
слой 2 (голубой)	36, 49, 51, 54	89		34, 35, 52, 81, 102	10	
слой 3 (штрихован)	97, 100, 104	111, 114, 117		108, 112, 113, 115	10	
слой 4 (чёрный)	56, 82	97, 106		80, 99, 105, 116	8	
Гр. III слой 1 (коричнев)	13, 18,	17		12, 14, 15, 16, 29	8	Гр. III 58 погр.
слой 2 (голубой)	44, 90-96, 61, 30а, 47, 33	39, 66, 67, 77		25, 63, 26, 30, 31, 32, 37, 40	18	
слой 3 (штрихован)	83, 87, 101, 109			41, 57, 68, 73, 76, 88, 107	11	
слой 4 (чёрный)	42, 55, 64, 74	118, 119, 120, 121, 122, 58, 75, 103		65, 69, 70, 71, 72, 72, 59, 60, 78, 79	22	
Итого:	34	20	2	51	Итого: 107	

Процент украшений с пластинами в группах

Гр. I – 50%	Гр. II – 31,3%	Гр. III – 27%	8 погр-й только с кремневым инвентарём
укр. с пласт. 8	укр. с пласт. 10	укр. с пласт. 16	
без пласт – 1:	без пласт – 6	без пласт. – 13	
без инвент. – 8	без инвент. – 13	без инвент. – 30	

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение погребений по группам и слоям / Distribution of burials by groups and layers

Источник: составлено автором

гребения находятся в северной, как представляется, самой ранней группе. Ещё одна подвеска оригинальной формы, изготовленная из клыка кабана, найдена в скоплении из разрушенных погребений 34–36 (рис. 3.9). Оно расположено во втором от верха горизонте в центральной группе погребений.

Эти подвески интересны тем, что они имеют достаточно близкие аналогии среди медных изделий в карбунском кладе (рис. 3.1, 3.7). Для одной из форм пластин из клыков кабана мариупольского могильника (рис. 3.10) достаточно определённой аналогией являются и медные пластины с двумя отверстиями по кра-

ям (рис. 3.2), на что в своё время обратила внимание Н. С. Котова [4, с. 82]. В кладе также встречена костяная бусина с V-образным отверстием (рис. 3.6), которая типична для комплексов многих погребений могильника (рис. 3.14) зубы оленя (рис. 3.3), бусы из кости и камня (рис. 3.4–5), что характерно и для погребений могильника (рис. 3.12–13).

В наиболее поздней, южной части могильника, в погребении VIII, найдена каменная булава крестовидного типа [1, с. 60]. Погребение располагалось во втором от верха горизонте погребений на глубине 1 м [1, с. 59]. Ближайшей аналогией ей, пожалуй, будет булава, найден-

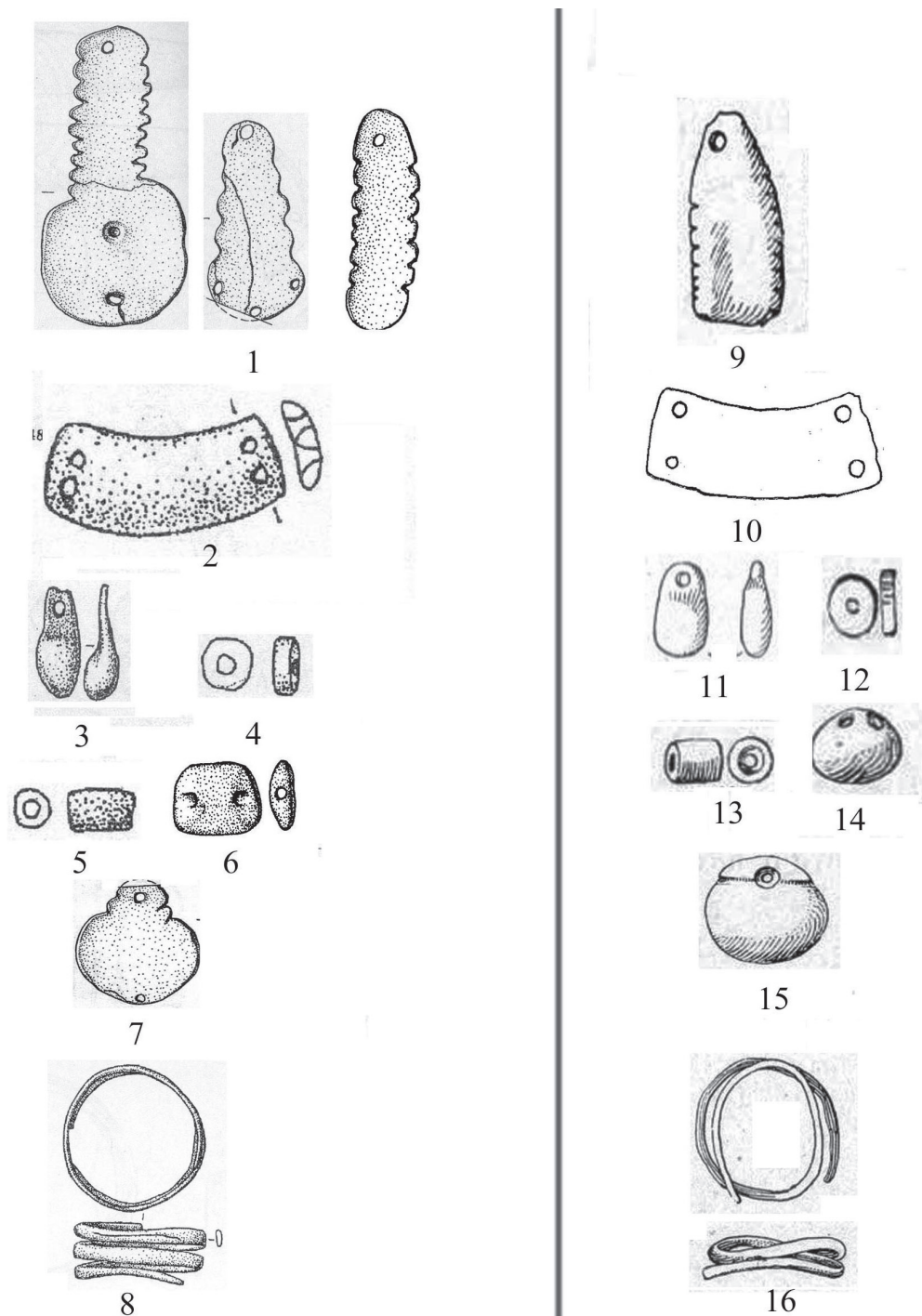


Рис. 3 / Fig. 3. Сравнительная таблица украшений / Comparison table of decorations

Источник: составлено автором

ная в погребении 12 грунтового могильника Дечия Морешулуй в Румынии [4, с. 276, рис. 103.2]. Ещё одна булава, но другого типа, с двумя овальными выступами по краям, встречена во впускном в могильник погребении XXIV [1, с. 73]. Помимо содержащейся в нём булавы [1, с. 32, рис. 31], оно интересно тем, что все найденные там пластины из клыка кабана не имели отверстий, а только прорезы по коротким концам пластин, а также медную бусину и фрагмент медной пластины [1, с. 32, рис. 31]. Аналогичные пластины из клыка кабана были найдены и в погребении XXI [1, с. 70, рис. 29]. В самом же могильнике пластины без отверстий с прорезами встречены только в 4 погребениях: 13, 20, 30а, 55. Аналогичные пластины – тип Г, по М. Макаренко [1, с. 45), были найдены, в основном, в подкурганном погребении 13 близ станции Старонижнестеблиевская на Кубани [5, с. 450, рис. 3–4, 6]. Этот курган примечателен ещё и тем, что во впускном погребении 13-А также были найдены пластины из клыка кабана, но они были укороченных пропорций и имели иную, «бабочковидную» форму, поскольку центральная часть у них была сильно заужена, при достаточно широких концах [5, с. 450, рис. 3.9–12].

Такую же зауженную середину при достаточно широких концах при укороченных пропорциях, мы наблюдаем у пластин из погребения с трупосожжением, перекрывшего впускное погребение XXI мариупольского могильника [1, с. 70, рис. 29, инв. № 89]. По стратиграфии погребение с трупосожжением, наряду с погребением с медными браслетами, является самым поздним в могильнике. В самом погребении XXI кроме кремневой пластины и бусин (одна – из меди, другая – из перламутра) при осмотре экспозиции этого комплекса в Мариупольском музее Н. С. Котовой была обнаружена костяная пластина с отверстием в средней, слегка выступающей части одной из сторон [4, с. 51, 241, рис. 68.6]. Судя по рисунку,

это так называемая «цурка». Подобные предметы неоднократно встречались в комплексах новоданиловской культуры, но весьма вероятно, что это самая ранняя находка, поскольку в более поздних комплексах боковой выступ с отверстием имеет более выраженную форму, как например на «цурке» из погребения 46 кургана 1 в Александровском могильнике [6, с. 23, рис. 6.4]. Можно предположить, что это ретушер с отверстием для привязывания его к поясу.

Как уже упоминалось, впускное погребение XXIV также содержит зауженные в центре пластины с поперечными желобками по краям [1, с. 72, рис. 31, инв. № 116]. Поскольку пластины такого типа встречены только во впускных погребениях могильника, а также во впускном погребении 13-А кургана у ст. Старонижнестеблиевской, у которых кроме ярко выраженной «бабочковидности» вместо желобков по краям имеются по 2 отверстия, то с достаточной уверенностью можно утверждать, что этот тип пластин является более поздним, чем остальные.

Если провести обзор некоторых памятников, где встречены бабочковидные пластины, то можно увидеть, что они встречены в таких памятниках, как Никольский могильник [7, с. 28, 52 рис. 13 тип «Г»] и второй слой поселения Раздорское I [8, с. 74, рис. I.20]. Аналогичные пластины встречены в грунтовом могильнике у с. Съезжее в погребении 6 [9, с. 92, табл. 7.13-16]. Ещё одна пластина, но другого типа, с прорезанными канавками у коротких краев была найдена в погребении 5 [9, с. 92, табл. 7-11]. Такая же пластина, но уже с зауженной серединой, была обнаружена и среди разрушенных погребений [9, с. 92, табл. 7-12].

Примечательно, что Никольский могильник Д. Я. Телегин относит к следующему этапу развития могильников мариупольского типа – Б-2, а сосуды из могильника наибольшее сходство имеют с сосудами из поселения Средний Стог I [7, с. 21, 29, табл. 2]. То, что «бабочко-

видные» пластины были найдены в Никольском могильнике и во втором слое поселения Раздорское I, неудивительно. Представленная керамика похожа по мотивам и технике нанесения орнамента – наколы, проглаженные линии, реже – гребенчатые штампы, воротничковое оформление венчика. И там, и там преобладают крупные, до 0,4 м в диаметре, сосуды с плавным переходом от широкого устья к маленькому, иногда орнаментированному дну плоской формы [7, с. 21–23; 8, с. 73, 75]. Материалы второго и третьего слоёв поселения похожи [8, с. 75]. Там найдены кремневые наконечники стрел редкой формы – со слегка выступающей серединой основания [8, с. 74, рис. I.23-24] Такие же наконечники найдены и в Никольском могильнике [7, с. 19, рис.8.1-2].

Как известно, Карбунский клад был найден на поселении трипольской культуры, которое по анализу керамического материала относится к переходному периоду от раннего триполья к развитому или к концу периода Прекукутень III [10, с. 19, 52], т. е. между финалом Триполья А и началом Триполья Б. В абсолютных датах это будет 4700–4600 до н.э. [11, с. 213–214]. Выше уже отмечалось большое сходство ряда украшений из клада и могильника (рис. 3), что, вероятно, позволяет к этому же времени отнести и могильник. Следовательно, если опираться на вышеназванную дату, то впускные погребения XXI и XXIV, содержащие бабочковидные пластины, должны быть несколько более поздними и, вероятно, отнесены к самому началу Триполья Б.

Самое последнее по стратиграфии погребение с браслетами (рис. 3.16) хорошо входит в круг достаточно многочисленных погребений с аналогичными украшениями: г. Кривой Рог, п-2 [12, рис. 2–8], могильник у с. Джурджулешть п. 12 [13, табл. 273–7, 8], могильник у с. Джурджулешть п. 5 [13, рис. 111.3-5], Петро-Свистуново, п. 1 [13, табл. 233.1-3] Джурджулешть п. 5, Джурджулешть п. 4 (без

браслетов, но с золотыми спиральными кольцами). Два последних погребения датируются 4490–4330 и 4455–4360 до н.э. соответственно [14, р. 84–85].

К этому нужно добавить, что все 13 погребений варненского могильника, имеющих радиоуглеродные даты, ложатся в середину V тыс. до н.э. [15], где помимо медных, также встречены браслеты даже из золота – п. 43 [15, р. 89, fig. 9]. Эти даты относятся уже к следующей фазе развития трипольской культуры – В-I, Кукутень А-2, что логично. Эти погребения совершены уже по иному погребальному обряду: скорчено на спине, кисти рук на тазовых костях, либо вытянуты вдоль тулова, также как и впускное погребение XXIV в мариупольском могильнике [15, с. 71, рис. 30]. Эту фазу развития энеолита Б. Говедарица рассматривает как «горизонт до скипетров» [14, р. 85]. То, что такие же браслеты были найдены и в Карбунском кладе (рис. 3–8), вероятно, свидетельствует о том, что временной промежуток между основными и впускными погребениями был не очень велик, о чём писал и А. Д. Столяр [2, с. 30–31].

Следующий этап развития энеолита в Юго-Восточной Европе относится уже к временному горизонту «погребений со скипетрами». Это Триполье БI–БII, Кукутени А-4. В абсолютных датах 4300–4200 до н.э. [14, р. 85]

Как видно из вышеизложенного, выделенные временные горизонты достаточно хорошо известны и их последовательность в принципе сомнений не вызывает. В данном случае встаёт проблема абсолютной хронологии. Если мы примем 2 вышеизложенных постулата, а именно, что некоторые типы украшений мариупольского могильника имеют достаточно хорошие аналогии среди находок в карбунском кладе (рис. 3) и то, что переходный период от Триполья А к Триполью Б датируется 4700–4600 до н.э., то радиоуглеродные даты ряда памятников будут выглядеть довольно необычными. К примеру, погребение СХХIV из само-

го могильника имеет даты в диапазоне 5510–5480, впускное погребение XXIV имеет 3 даты с диапазоном 5340–5304 с отклонениями менее 100 лет [16, с. 9, табл. 1]. Съезжинский могильник, где встречена пластина из клыка кабана, аналогична пластинам из впускных погребений мариупольского могильника, датирован двумя датами: 5700–5470 и 4860–4670 гг. Могильники Хвалынский I и II в основном укладываются в первую половину V тыс. до н.э. [17, с. 125, рис. 3], но при этом там найден скипетр [17, с. 105, табл. 20–18], медные браслеты и небольшие выпуклые бляшки с пунсонным орнаментом из 2-го Хвалынского могильника [18, с. 276, рис. 7, с. 277, рис. 8].

Анализируя медь из Хвалынских могильников и её параллели по данным спектроаналитических исследований, Е. Н. Черных считает, что выделенные им 6 химических групп, их сочетание и определённая пропорция в каждой из коллекций из хвалынских, новоданиловских и среднестоговских памятников, имеет прямое отношение к проблемам хронологии всех степных памятников, в которых встречена Балканская медь. «Давно выяснено, что феноменальный по своей мощности и технологическому уровню взлёт производства металла, приходится на очень короткий отрезок времени. Он по времени совпадает с финалом существования таких культур, как гумельница, винча-плочник, тисаполгар-бодрогкерестур.

Здесь следует иметь в виду, что сочетание выделенных 6 химических групп, их определённая пропорция в каждой из коллекций присуща только этому времени [17, с. 225, табл. 1]. Ни в более ранний, ни в более поздний периоды такого сочетания образцов химических групп меди в производственных очагах Балкано-Карпатя не встречается [17, с. 224–226]. Сюда попадает медь и неолитической днепро-донецкой культуры и так называемый ранний энеолит мариупольской общности, и «средний» энеолит общно-

сти Хвалынк-Средний Стог. Помещение этих медьсодержащих комплексов в различные исторические эпохи или хотя бы периоды представляется маловероятным или попросту невозможным. Такие комплексы могут быть либо полностью синхронны, либо различаться между собой максимум двумя-тремя столетиями» [17, с. 226].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, выделенные 4 этапа развития раннего и среднего энеолита могут иметь такие наиболее реальные даты:

1. основные погребения мариупольского могильника: конец Триполья А – начало Триполья В-I, 4700–4600 гг. до н.э.;

2. впускные погребения мариупольского могильника XXI, XXIV, впускное погребение 13-A в кургане у ст. Старо-нижнестеблиевской, Никольский могильник, второй слой поселения Раздорское I. Съезжее – Триполье В-I – 4600–4450 гг. до н.э.;

3. мариупольский могильник погребение с браслетами, г. Кривой Рог, п-2, могильник у с. Джурджулешть п. 4, 5, 12. Петро-Свистуново, п. 1, 13 погребений варненского могильника, имеющих радиоуглеродные даты, ложатся в середину V тыс. до н.э. Триполье В-I, Кукутень А2 – 4450–4300 до н.э.;

4. погребения со скипетрами, Триполье В-I, Кукутени А4, 4300–4150 гг. до н.э. Предложенная схема периодизации раннего и среднего энеолита степной зоны Юго-Восточной Европы не укладывается в большинство радиоуглеродных дат, особенно в два первых этапа, но ее достоинство состоит хотя бы в том, что она лишена той временной неопределенности, нередко выраженной в датах столь широкого диапазона, что они теряют свой смысл. Тем более что статистически достоверного количества дат по культурам этой эпохи мы не имеем;

5. финальный этап энеолита – это время конца Триполья СI–СII представлен

погребениями типа тех, что раскопаны лицом. Из инвентаря в погребальных комплексах для них характерно наличие совершенно другой культурно-хронологический пласт, где погребённые лежат уже на боку, скорчено, кисти рук перед с высокой шейкой [19, с. 54–68].

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко М. Мариупільський могильник. Київ, 1933. 151 с.
2. Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник // Советская археология. 1955. Вып. XXII. С. 16–37.
3. Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002. 267 с.
4. Котова Н. С. Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. 327 с.
5. Шаталин Ю. А., Резепкин А. Д. Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // *Stratum plus*. 2001–2002. № 2. С. 447–457.
6. Братченко С. Н., Константинову Л. Ф. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей Украины. Киев, 1987. С. 17–31.
7. Телегин Д. Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991. 100 с.
8. Кияшко Д. Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. 1987. № 192. С. 73–80.
9. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. 129 с.
10. Дергачев В. А. Кэрбунский клад. Кишинев, 1998. 119 с.
11. Дергачев В. А. Карбунский скарб // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т II. Київ, 2004. С. 213–214.
12. Будников А. Б., Рассамкин Ю. Я. Энеолитический могильник в г. Кривой Рог и его место в системе степных древностей // *The Fourth Millennium BC*. Sofia, 1993. С. 116–125.
13. Рассамкин Ю. Я. Азово-Понтийские степи в эпоху меди. Ч. II. Mainz am Rhein, 2004. 277 с.
14. Govedarica V. Conflict or Coexistence: Steppe and Agricultural Societies in the Early Copper Age of the Northwest Black Sea Area // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Кишинев, 2016. С. 81–91.
15. New AMS radiocarbon dates for the Varna Eneolithic cemetery, Bulgarian Black Sea coast / T. Higham, J. Chapman, V. Slavchev, B. Gaydarska, et al. // *The Varna eneolithic necropolis and problems of prehistory in Southeast Europe*. Varna, 2008. P. 95–113.
16. Моргунова Н. Л. Хронология и периодизация энеолита Волго-Уральского Междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009. С. 6–27.
17. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология Хвалыньских некрополей // Хвалыньские энеолитические могильники и хвалыньская энеолитическая культура. Самара, 2010. С. 121–130.
18. Агапов Д. С. Медные изделия в погребальном обряде Хвалыньских энеолитических могильников // Хвалыньские энеолитические могильники и хвалыньская энеолитическая культура. Самара, 2010. С. 258–286.
19. Яровой Е. В. Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове (предварительная информация) // Вестник Московского Государственного Областного университета. 2019. № 5. С. 54–68.

REFERENCES

1. Makarenko, M. (1933). *Mariupilsky burial ground*. Kiiv (in Russ.).
2. Stolyar, A. D. (1955). Mariupol burial ground as a historical source. In: *Soviet archeology*, XXII, 16–37 (in Russ.).
3. Kotova, N. S. (2002). *Neolithic of Ukraine*. Lugansk (in Russ.).
4. Kotova, N. S. (2006). *Early Eneolithic of the Steppe Dnieper and Azov regions*. Lugansk (in Russ.).
5. Shatalin, Yu. A. & Rezepkin, A. D. (2001–2002). Neolithic burial ground with Mariupol-type inven-

- tory in the Kuban region and its place in the system of antiquities of Southeast Europe. In: *Stratum plus*, 2, 447–457 (in Russ.).
6. Bratchenko, S. N. & Konstantinescu, L. F. (1987). Alexandrovsky Eneolithic burial ground. In: *The oldest pastoralists of the steppes of Ukraine*. Kyiv, 17–31 (in Russ.).
 7. Telegin, D. Ya. (1991). *Neolithic burial grounds of Mariupol type*. Kyiv (in Russ.).
 8. Kiyashko, D. Ya. (1987). Multilayer settlement Razdorskoye I on the Lower Don. In: *Brief reports of the Institute of Archeology*, 192, 73–80 (in Russ.).
 9. Vasiliev, I. B. (1981). *Eneolite of the Volga region. Steppe and forest-steppe*. Kuibyshev (in Russ.).
 10. Dergachev, V. A. (1998). *Cairbunsky treasure*. Chisinau (in Russ.).
 11. Dergachev, V. A. (2004). Karbunsky Skarb. In: *Tsenclopediya Tripilskii civilizatsii. Vol. II*. Kiiv, 213–214.
 12. Budnikov, A. B. & Rassamakin, Yu. Ya. (1993). Eneolithic burial ground in the city of Krivoy Rog and its place in the system of steppe antiquities. In: *The Fourth Millennium BC*. Sofia, 116–125.
 13. Rassamakin, Yu. Ya. (2004). *Azov-Pontic steppes in the era of copper. Part II*. Mainz am Rhein (in Russ.).
 14. Govedarica, B. (2016). Conflict or Coexistence: Steppe and Agricultural Societies in the Early Copper Age of the Northwest Black Sea Area. In: *Cultural interactions. Dynamics and meanings*. Chisinau, 81–91.
 15. Higham, T., Chapman, J., Slavchev, V., Gaydarska, B., et al. (2008). New AMS radiocarbon dates for the Varna Eneolithic cemetery, Bulgarian Black Sea coast. In: *The Varna eneolithic necropolis and problems of prehistory in Southeast Europe*. Varna, 95–113.
 16. Morgunova, N. L. (2009). Chronology and periodization of the Eneolithic of the Volga-Ural Interfluvium in the light of radiocarbon dating. In: *Problems of studying cultures of the early Bronze Age of the steppe zone of Eastern Europe*. Orenburg, 6–27 (in Russ.).
 17. Chernykh, E. N. & Orlovskaya, L. B. (2010). Radiocarbon chronology of the Khvalynsky necropolises. In: *Khvalynsky eneolithic burial grounds and Khvalynsky eneolithic culture*. Samara, 121–130 (in Russ.).
 18. Agapov, D. S. (2010). Copper products in the funeral rite of the Khvalynsky eneolithic burial grounds. In: *Khvalynsky eneolithic burial grounds and the Khvalynsky eneolithic culture*. Samara, 258–286 (in Russ.).
 19. Spring, E. V. (2019). The main Eneolithic burials of the mound near the village of Bursucheny in Central Moldova (preliminary information). In: *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 5, 54–68 (in Russ.).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рецепкин Алексей Дмитриевич (г. Санкт-Петербург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры Российской Академии наук;
e-mail: admin@archo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey D. Rezepkin (St. Petersburg) – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: admin@archo.ru